

И НА УРОКЕ МОЛЧАНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЗОЛОТОМ

*Письмо сельской учительницы
с комментариями В.Букатова*

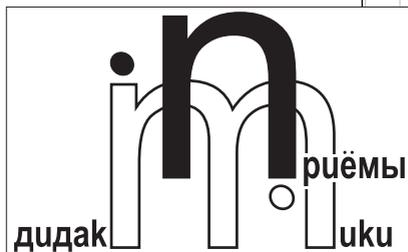
Меня сейчас больше всего занимает проблема учительского многословия. Очень хочется получить конкретную помощь, узнать, кто и как борется с этим недугом. Ведь мы, учителя, общаясь друг с другом (даже по телефону!), иногда замечаем, как мы устали от собеседника, который в разговоре слышит только себя и любит только собой. А каково ребятам?

Каюсь, я столько раз гордилась своим умением «заговаривать» людей. Сначала – моих ровесников, рассказывая им бесконечные истории с продолжением, которые рождались в моей голове как бы сами собой, потом учеников. Любой самый шумный класс могла так увлечь рассказом, что в классе наступала могильная тишина.

Честно признаюсь, что по молодости я явно злоупотребляла красноречием, стараясь всё разжевать и разложить по полочкам, лишь бы деточки слушали мои рассказы с упоением.

Но, взрослев и мудрея, я стала замечать, что, давая детям образцы красивой речи, я не только не получаю желаемого результата, но даже наоборот – их речь по-прежнему остается бедной, в ней отсутствует образность. Я понимала, что ежедневно происходит невосполнимая потеря, что от меня так и уйдут в большую жизнь дети, не способные связать двух слов.

Окончательно убедиться в неправильности выбранного мною пути помог случай, вернее, два.

ВАЛЕНТИНА ГУСЕВА,

д. Кладово, Ярославская обл.

Мы благодарны автору за смелость и откровенность: тема-то нынче неходовая, далёкая от модных инновационных затей. И вообще какая-то диковинная: при всей её остроте и повсеместности раньше на эту тему предпочитали не распространяться. Ну а наши комментарии, как всегда, несколько сумбурны. Очень уж многое хотелось сказать: и тема за живое берёт, и автор письма вроде как карт-бланш нам даёт, говоря, что это только на поверхности люди жаждут, чтоб их похвалили, а на самом деле искренне хотят узнать, как бы то же самое, но по-своему другой человек сделал.

САМО ВДОХНОВЕНИЕ!

Моя замечательная коллега из соседней школы сняла на видео собственный урок литературы и попросила его проанализировать, но не с точки зрения методически выверенного анализа, от которого учителей и так уже тошнит, а с точки зрения элементарной человеческой заинтересованности в самоусовершенствовании (*см. комментарий 1*). Я поняла её желание (все же люди!) услышать, чем хорош этот урок, потому что она сама его разработала, сочинила и ей хотелось, чтобы заинтересованная аудитория все эти её находки, открытия – сделанные давно, выстраданные – заметила и отметила.

А второе желание (тайное!) – услышать не столько о том, что у неё не получилось (ведь, согласитесь, нет глупее ситуации, когда методист начинает разбирать недостатки твоего урока и учить, как надо делать, хотя методисту невдомёк, что, может быть, эти так называемые недостатки и есть самые главные достоинства), сколько о том, как коллега-словесник всё бы это же самое сделал, но по-другому, по-своему. Ей хотелось провести своеобразный «мозговой штурм» и получить массу отзывов, чтобы что-то, согласившись, принять, а что-то напрочь отменить.

Урок был чудесный, учительница – само вдохновение (чистый портрет меня, тридцатилетней). Но когда пришёл черёд отвечать мне,

я произнесла наболевшее: «Я бы постаралась на уроке меньше говорить». Именно *постаралась*, потому что учителю бывает очень трудно удержаться от пространных комментариев, ему, бедному, всё кажется, что дети такие глупые – очевидных вещей не понимают. Вот он и бьётся целый урок, будто рыба об лёд, сам устаёт, и ребята от него устают.

О том, что учителя-говоруны безмерно изматывают ребят, знаю из вполне достоверных источников – из уст самих учителей. Ведь они, как только сойдутся вместе, ни о чём, кроме школы, говорить не умеют. Вот во время одного из таких «педсоветов» я и услышала вторую историю.

Точно попал!

Учительница, зная о том, что к празднику 8 Марта дети будут писать ей бесконечное количество открыток с пожеланиями «успехов в работе и счастья в личной жизни», попросила сделать конкретные пожелания, которые касались бы преподавания предмета и отношений с учениками.

Разбирая потом открытки, хохотала до упаду, когда читала пожелания вроде этих: «Не спрашивать меня, когда я не хочу!», «Не называть меня зайчиком, а то девчёнки издразнились», «Не черкайте на каждой строчке красной пастой, я не могу искать ошибки, потому что после кино у меня слипаются глаза и в них что-то рябит»...

Но одно пожелание врезалось в память, и вот уже двадцать лет носит его учительница в своей душе, в самом заветном уголке, потому что мальчик, написавший его, погиб в Афганистане. А пожелание осталось: «Не говорите долго о том, что и так понятно». Вот как точно попал! Не говорите! Юная категоричность, почти приказ: не говорите, слышите, не говорите, мы устали от вашего голоса, мы устаём, потому что давно уже знаем, вы произносите очевидные вещи, не стоит тратить на это драгоценное время – ведь жизнь слишком коротка!

Мне почему-то вспомнилась учительница, которая учила биологии моих девочек, она настоятельно твердила им: «Имейте в виду – у лягушки два глаза!» Это превратилось в анекдот, и до сих пор, вспоминая школьные годы и старенькую биологичку, они смеются – до такой степени очевидны были вещи, на которые тратилось драгоценное учебное время.

И хоть порой нам кажется, что дети этим временем ничуть не дорожат, на поверку выходит обратное – дорожат, да ещё как! И недостатки наши учительские прекрасно видят, только вот не решаются о них вслух сказать, а у нас не всегда хватает ума и смекалки (а еще мужества!), чтобы их об этом спросить.

Та учительница – сегодня один из лучших словесников нашего района. Дети у неё получают и говорящие, и пишущие, потому что она

вовремя поняла, что слова – серебро, а молчание – золото, научившись наступать на горло собственным словам и эмоциям и слушать мнения ребят, сколь бы нелепы и несуразны (по содержанию и форме) они ни казались.

Да и я тоже всё учусь уходить от многословия на уроках, только у меня самой не всегда получается, у ребят прошу помощи.

«Крестики-нолики»

Оказывается, игра очень помогает поддерживать нужную температуру урока.

С ребятами нужно заранее договориться... Вернее, я-то с ними лишь насчёт крестиков договорилась. Сказала им:

– Если я буду рассказывать вам о том, что вы уже знаете, не шумите и не отвлекайтесь, а просто сложите пальцы крестиком и поднесите к губам, я всё пойму и плавно перейду к следующему вопросу (*см. комментарий 2*).

– А если Димка назло будет подносить свои крестики?

– Во-первых, один Димка мне не указ, я подожду, когда отзовется хотя бы половина класса. А, во-вторых, Дима ничего не умеет делать назло, он же у нас такой добрый (*см. комментарий 3*).

Было сначала страшновато: не скрою, заботилась о том, не превратится ли весь урок в игру. Наверное, оттого-то было вдвойне приятно, когда время от времени высоко

над партами стали взлетать пальцы, сложенные не крестиком, а колечком: мол, здорово, интересно, шпарь дальше!

Сейчас необходимость в этой игре почти отпала, хотя уговоры с ребятами так и кочуют из класса в класс. А отпала потому, что мы ещё в начале урока (на стадии вызова) выясняем, что дети знают по данной теме. Это очень здорово помогает учителю, и не только это.

Но мне всё равно порой не удаётся уйти от многословия, и тогда летят к губам скрещенные пальчики – стоп! – и самолюбование, самовыражение сами... сами... уходят прочь.

«В молчанку»

Наверняка знакомая учителям игра. Скорее всего, и мною у кого-то подсмотрена или где-то прочитана. Но уж так подсмотрена или прочитана, что вошла в мою плоть и кровь. Если найдётся хозяин, прошу у него прощения, плачу ему тем, что много лет внедряю в жизнь и получаю порой прекрасные результаты.

Поскольку классы у нас маленькие, то всех усаживаю в одну группу (раньше было по две и по три). Ребята сдвигают парты и усаживаются вокруг них. Каждый берёт лист бумаги, ручку и даёт обет молчания, сложив пальцы всё тем же крестиком.

Задание: объяснить, почему слово «решётка» пишется с буквой «ё», а не «о». Листы двигаются по кругу, а я только молча сле-

жу за потугами моих молчунов, замечания и пояснения я делать не имею права, так как обет молчания касается и меня. Отмечаю только, что дело движется в правильном направлении, поднимаю вверх большой палец.

А у них в ходу и корни, и суффиксы, и ударение, и шипящие (вижу, что рядом с ними гусь нарисован – вытянул шею вверх, шипит, значит; а «художник» лукаво так на меня посматривает: мол, поняла ли намёк? Поняла-поняла, да только и глазом не моргнула!).

А вот и решето появилось, листок передвигается, и у соседа возникает большой вопросительный знак. Что? Про решето не слыхивал? Здорово. Ну, посмотрим, как следующий объясняющий назначение этого самого решета объяснит. Еле сдерживаюсь, так бы и подсказала, но не могу, развожу руками – что, мол, делать? А он уже и сам догадался, нарисовал пирог, а от него стрелочку провёл в сторону ведра (квашня, значит?), а в это ведро из решета сыплется мука. Умничек, у мамы подглядел! Посмотрим, что-то дальше будет!..

А дальше мужичок-лесовичок и того больше учудил – нарисовал дом, на доме сидит дядька и кроет крышу. Я даже сама растерялась, спрашиваю взглядом: «А при чём тут мужик и крыша?» Он мне стрелочками на доски показывает, которые как-то редко на этой крыше лежат, ничего понять не могу, да

и сосед его тоже, поэтому листочек так и двигается дальше.

Это уже потом, подводя итоги урока, я спросила:

– А при чём здесь все-таки мужик и эта дырявая крыша?

– Да не дырявая она вовсе, – разъяснил мужичок-лесовичок. – Это дядя Лёша крышу на своем новом доме обрешетил, сейчас крыть начнет. А иначе к чему же он шифер будет приколачивать?

– Логично. Ты прости меня (*см. комментарий 4*), а слово-то хорошее, редкое, теперь такое и не услышишь – мало стали нового жилья строить.

Такой урок кому-то покажется тоже пустой тратой времени, недостатком в моей работе, а спросите ребят через год или через два – они все наши восторженные монологи напрочь забудут, а вот то «решето» – ни за что и никогда.

РАБОЧИЕ КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМУ ВАЛЕНТИНЫ ГУСЕВОЙ

Комментарий 1. Чудо взаимопонимания

«Элементарная человеческая заинтересованность в самоусовершенствовании» – это вы, Валентина Павловна, здорово сформулировали. Эта «элементарная частичка» действительно есть в душе каждого. Вот только лежит она под толстой шубой всяких там претензий, бытовых амбиций, мелкого тщеславия. Поэтому человеку до этих «элементарных частичек» порой ну никак не добраться. Вот и остаётся его оппонентам-собеседникам разве что надеяться на «обыкновенное чудо» взаимопонимания. Надеяться, что критикуемый сам почувствует истинность устремлений говорящего.

Комментарий 2. Избегай парной педагогики

Хорошо, что вы вспомнили детскую игру, в которую когда-то и сами наверняка играли. Обратим внимание на то, что *уговор участников* в этой игре по своей семантике практически *парный*, отсюда и полускрытый (потаённый) жест – к губам подносятся пальцы крест-накрест.

Наполняемость учеников в классах у вас в школе маленькая. Поэтому вполне возможно, что ученики не в затылок сидят, а как-то по-другому. Например, полукругом. Тогда этот игровой знак – сложенный пальцами крестик у губ – из парного становится групповым, потому что его всем видно.

Но журнал будут читать учителя и из других школ – вполне полнокомплектных, где ученики сидят в затылок друг другу. И кто-то правильно сделает, если захочет этот приём и у себя на уроках применить. Поэтому я пропишу это место подробнее.

Итак, соблазн первый, провоцирующий учительское многословие, – пбрная педагогика. И один из основных пафосов режиссуры урока заключается во всяческом ущемлении пбрной педагогики. Она – как перебродившее дрожжевое тесто – всё лезет да лезет из квашни, норовя заполнить каждую щелку пространства и времени урока. Каждого ученика педагог замыкает на себя, так что сколько учеников на уроке, столько и пар «ученик–учитель». А тут – игровой приём, который, как будто нарочно, именно пбрной-то педагогике руки и развязывает.

Но чтобы создать атмосферу не пбрную, а социо-игровую, нужно этот самый малозаметный игровой знак легализовать – сделать его видимым не только для учителя, а для всех участников. Ну, например, крестик рисовать на доске мелом.

Конечно, у некоторых читателей могут возникнуть вполне понятные возражения. Это что же, хамство поощрять прикажете?! Я им тут рассказываю, стараюсь, а они – на тебе! – по классу расхаживают и на доске всякие там крестики чёркают – мол, закругляйся, хватит уже!

Вне игрового контекста – безусловно. А вот в условиях игры – нет. Вспомним салочки, жмурки, вышибалы. Само по себе ладонью или мячом стукнуть человека – конечно, нехорошо. Но вот то же самое сделать, но уже в игровых условиях – совсем другое дело.

Вернёмся к нашим крестикам. Представим: учитель соловьём заливается, а тут то один ученик на доске крестик поставил, то другой. Лично у меня, как представляю, горло перехватывает. Наверняка я, сначала охнув (никуда не денешься – самолюбие; вот только его последствия в игре, к счастью, минимальны), потом, конечно, сообразил бы предложить одному из «крестоносцев» самому продолжить объяснение: раз он знает, что ж от других скрывать? И как знать, может быть, мы бы и сами этим его рассказом заслушались бы.

Кстати, следуя игровому уговору, вполне возможно, что во время рассказа ученика я тоже поставил бы крестик. Да ещё с восклицательным знаком – в случае, если мои добавки принципиальны. А может быть, и жирный вопрос. Так, глядишь, и новое игровое правило возникло бы: как только кто-то (включая учителя) начинает говорить нечто спорное или нести ахинею, то на доске будут появляться жирные знаки вопроса.

Комментарий 3. Не забывай о смене ролей

Зря говорят: язык мой – враг мой. Вовсе нет, не враг, а друг! Он не столько выдаёт нас с головой, сколько сигнализирует о заблуждениях. Не будь его, так и копошились бы в них всю жизнь. А вот как только к своему языку прислушаешься – то нет-нет, да и откроется та или иная подсказка.

Вот и здесь. Спасибо, Валентина Павловна, за точную деталь, за подробность (ведь когда этих подробностей нет, то в причёсанной гладкописи понять, как же обстояло дело, невозможно). Эта деталь и даёт нам повод подумать о соблазне втором – лидерстве учителя.

Читаем: «Во-первых, один Димка мне не указ...». Вот те на – приехали! Вообще-то потом вы совершенно правильно поступили, что о Димкиной доброты тут же на уроке упомянули. Но вот в самой этой фразе ну явно торчит рудимент учительского лидерства. Это факт.

Ведь что такое групповая работа? Это когда есть общие правила, по которым судят все в группе. Если кто-то из учеников про Димку заикнулся, то это он поднял вопрос про уточнение игровых правил. А уточнение могло возникнуть, например, такое. Один крестик – предупреждение говорящему (то есть учителю). А если два (или три-четыре, или полкласса, или весь класс – всё зависит от количества человек; если всего два ученика на уроке – а ведь и такое бывает, – то, значит, весь класс), тогда «стоп-машина» – лектор умолкает или переходит к следующему вопросу.

И вот вместо подобных социо-игровых уточнений возникло совсем другое уточнение: мне не указ. Здесь, дескать, хозяйка горы я, что хочу, то и ворочу.

Конечно, учителю на уроке просто необходимо быть хозяином. Но и о смене ролей забывать не стоит. О том, что ученикам очень полезно на уроке попримерять роль хозяина, знают все. Об этом в педагогике кипы страниц написаны. Вот только конкретному учителю во время конкретного урока так трудно бывает об этих рекомендациях вспомнить, а, вспомнив, найти естественный повод для их выполнения. И, даже найдя, так трудно бывает учителю эти самые рекомендации – не понарошку, а по правде – осуществить. Уж очень эта хозяйская роль прирастает к позиции учителя. Так что и захочешь – сразу-то не отдерёшь.

Заглянув в письмо, наталкиваемся на привычное для каждого учителя: «Мы ещё в начале урока выясняем, что дети знают». Кто «мы»? Что под этим местоимением скрывается для самой В. П., неизвестно – подробностей не хватает. А вот как это «мы» может понять большинство школьных учителей – угадать можно. Для одних (среди наших читателей их будет, скорее всего, не так уж и много) – это однозначно учитель. Для других – хоть и учитель, но не один, а с классом. Что уже гораздо лучше, хоть и может оказаться всего лишь риторикой.

А можно ли понять слова «мы выясняем» как-нибудь по-другому? Можно. Например, запускается «счётчик» – тридцать секунд (или сорок пять – никак не больше), и все встают и начинают выяснять имеющиеся у соседней знания по абсолютно новой теме. Время истекло – каждый (и учитель в том числе) пишет на доске результаты своих поисков в виде ключевых слов. Затем дежурные (или капитаны) расставляют номера, маркируя по-

следовательность и объединяя смысловые повторения. Вот вам и классный конспект темы. Остаётся только распределить пункты этого конспекта по слушателям, которые по учебнику (или на глазок) будут проверять знатока-«лектора» – и вперёд!

Комментарий 4. Не поддавайся на провокации

Для учителя существует ещё один соблазн, приводящий к излишней говорливости, – это когда учитель поддаётся на невольные провокации учеников.

Ведь ученики чуть что – сразу за пбрную педагогику хватаются, как младенцы за мамин подол. Тому свидетельство мы находим и в письме: «Лукаво так на меня посматривает: мол, поняла ли намёк?» И действительно, большинство детей в стенах школы поглядывают в первую очередь не на сверстников, а на учителя. У них такой поведенческий стереотип вырабатывается. Но учителю идти на поводу у этого стереотипа не стоит. Ему следует ухо держать востро и на всякие ученические провокации поддаваться не вдруг.

Вспомним эпизод из письма: «Он мне стрелочками на доски показывает». Хорошо, конечно, что у этого мальчика столь человеческие отношения с учителем. Но вот если бы кто-то из учеников лукаво подмигнул одному соседу, а потом, например, стрелочкой указал другому, а после уроков про дядю Лёшу рассказал бы третьему (а не для учителя всё это проделал), вот тогда бы мы от восхищения только в воздухе руками развели.

*Вячеслав Букатов,
доктор педагогических наук*